

ріодъ изолированнаго существованія отъ дѣльныхъ культуръ. Рѣшеніе проблемы православной культуры не мыслимо въ условіяхъ изоляціи отъ всемірныхъ путей.

2). Православная культура есть, по существу, нѣкоторый парадоксъ, о ней могутъ и должны быть совмѣщены сужденія противоположныя. Можно и должно изъ глубины Православія утверждать великую цѣнность культуры, защищать ее противъ обскурантскихъ отрицаній ея. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя просто утверждать тезисъ объ абсолютной цѣнности культуры, ибо въ культурномъ дѣланіи есть и трагическій моментъ. Нужно утверждать культурное

дѣланіе, звать къ творчеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавать неизбежность трагической неудовлетворенности, сознавать, что въ культурѣ есть и охлажденіе творческаго огня, противостояніе жизни. Не все въ ней есть осуществленное преображеніе міра, неизбеженъ религиозный судъ надъ собой. Трагическое недовольство должно изживаться извнутри въ процессѣ самого культурнаго творчества. Оправданіе культуры — оправданіе человѣческаго творчества, человѣческой исторіи. Конецъ міра включаетъ въ себя и то, что человѣкъ творчески принесетъ къ этому концу.

Этюды о русской культурѣ.

ЭТЮДЪ У.

Н. Федоровъ и преп. Серафимъ Саровскій.

(Продолженіе*).

Въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили, что столѣтняя годовщина Николая Федоровича Федорова (1828 - 1903) прошла почти совершенно незамѣченной*). Мы и теперь повторяемъ, что такое невниманіе къ великому мыслителю и праведнику несомнѣнно одинъ изъ тягчайшихъ упрековъ, вписываемыхъ исторіей въ обвинительный актъ русскому, поистинѣ, многогрѣшному обществу. Любопытно, хотя и глубоко печально, что подлинно великіе люди входили въ общество и принимались, имъ, главн. образ., темными сторонами своей личности и своего творчества, тѣмъ, что въ этомъ творествѣ было неумнаго, безобразнаго и плоскаго. Достаточно упомянуть, напр., «Критику догматическаго богословія» Льва Толстого.

*) Вѣстникъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

*) См. мою статью о Н. Федоровѣ «Евразійскій Временникъ». Парижъ 1928. Разработкой этого наброска и является настоящій этюдъ.

Но Н. Федоровъ никогда не былъ повиненъ ни въ грѣхѣ гениальнаго потемнѣнія, ни въ приобщеніи къ кругу ничтожества.

Въ его личности нѣтъ темнаго осадка, онъ насквозь свѣтится, сіяетъ, и слово его — растворено подлинной христіанской солью, — оно отъ Логоса; и въ этомъ много общаго у Н. Федорова съ преп. Серафимомъ. Н. Федоровъ, кажется, единственный русскій человѣкъ (изъ не причисленныхъ официально къ лику свят.) до конца сознававшій отвѣтственность за каждое сказанное слово. Но потому и каждое слово Федорова — драгоценность. Словомъ Логоса созидается міръ, отпаденіемъ отъ него — разрушается. Міръ, несомнѣнно, разрушается развратнымъ пустословіемъ злыхъ глупцовъ, хотя бы они и казались себѣ и другимъ большими умниками. «Благословіемъ праведныхъ созидается градъ, а устами нечестивыхъ разрушается» (Притчи 11, 11).

Гниющему и гноящему прѣсному пустословію расхожей общественности проти-

востоить нетлѣнный «геній съ солью» — Н. Федоровъ.

Антитеза эта — ярка и выпукла, она сразу бросается въ глаза. Явная ложь и явная истина легко отличимы другъ от друга. Гораздо труднѣе обстоит дѣло тогда, когда явной сѣяющей, подобно солнцу, истинѣ противостоить не очевидная ложь и тьма, но сумеречное сѣрое царство частичныхъ истинъ, полустинъ и всякаго рода относительностей, словомъ, того міра, гдѣ «всѣ кошки сѣры». Надо быть правдивымъ: полуистинами и относительностями очень часто грѣшится и настоящая философія. Достаточно назвать Канта, Гегеля, Германа Когена, (чтобы не упоминать современниковъ), и мы поймемъ о комъ и о чемъ идетъ рѣчь.

Личность и ученіе Н. Федорова однимъ уже фактомъ своего бытія совершаетъ какъ бы страшный судъ надъ настоящей наукой, надъ настоящей философіей. Слово Слова, исходящее отъ Федорова — оно проникаетъ въ бронированныя твердыни владыкъ философіи и науки, разсѣкаетъ, какъ мечемъ обоюдоострымъ ихъ хитросплетенія, и на страшныхъ глубинахъ открываетъ черноту и наготу — то нищенство, которое не ублажается въ Нагорной проповѣди (Матѣ. 5, 3), но осуждается въ лицѣ раба, имѣющаго только одинъ талантъ (Матѣ. 25, 14-30; Лук. 19, 12-26). «Одинъ талантъ» это — одна голая научно философская данность, одна теорія, не излучающая дѣйственной силы, остающаяся безъ претворенія въ дѣло, безъ плодоношенія въ вѣчность.

Двѣ великихъ духовныхъ добродѣтели отличаютъ Федорова, какъ мыслителя, и ставятъ его въ положеніе царя и судии среди сонма другихъ мыслителей. Первая добродѣтель — праведная жизнь — «житіе». Н. Федоровъ, кажется, единственный философъ — если не считать Сократа — съ «житіемъ», а не съ біографіей.

Правда, элементы житія въ сильной степени наличествуютъ въ біографіи Г. С. Сковороды. Послѣдній, однако, не можетъ быть сравниваемъ съ Н. Федоровымъ въ виду полного несоотвѣтствія пропорцій и типа философскаго творчества, — хотя и оба и были по преимуществу богословами. Г. С. Сковорода былъ «народный мудрецъ», «странникъ» — типъ естественно свойственный русскому народно-національному лику. Федоровъ былъ воздержанникъ, отшельникъ, труженникъ и ни въ малой степени не этнографическій курьезъ. Все въ немъ строго, величаво и полно святой благостности.

Чрезвычайно важно отмѣтить, что Федоровъ едва ли не болѣе всего дѣйствовалъ на своихъ современниковъ личною и житіемъ. Именно личность и житіе заставляли прислушиваться къ его геніальнымъ мыслямъ, являясь для нихъ сильнѣйшимъ рупоромъ. Таково единогласное свидѣтельство всѣхъ знавшихъ его — включая сюда такихъ гигантовъ, какъ Вл. Соловьевъ, Достоевскій и Л. Толстой, — равно какъ и многихъ другихъ. «Изъ ихъ согласныхъ описаній рисуется образъ челоуѣка кристальной чистоты жизни и колоссальной умственной силы*).

В. А. Кожевниковъ такъ передаетъ впечатлѣніе отъ Н. Федорова, всю жизнь, какъ известно, прослужившаго бібліотекаремъ Румянцевскаго музея въ Москвѣ: «Кто изъ бывшихъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ въ Читальномъ залѣ, а позднѣе, въ такъ называемой «каталожной» не помнитъ высокой высохшей, слегка сгорбленной, но полной энергіи фигуры этого одѣтаго въ ветхое рубище старика, въ глазахъ котораго сверкалъ страстный огонь цѣломуд-

*). Біографическій очеркъ А. Остромирова, приложенный къ первому выпуску «Философіи общаго дѣла». Харбинь, 1928, стр. XI.

ренной юности, этого на первый взгляд суроваго облика съ небольшою сѣдьющей бородкой, съ длинными рѣдкими серебристыми кудрями, съ могучимъ, спереди обнаженнымъ черепомъ, на которомъ мускулы и жилы вздымались буграми, какъ только напрягалась его оригинальная дума и лилась его глубокомысленная и остроумная рѣчь. Кто изъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло, не знаетъ, какъ этотъ, внушавшій сначала нѣкоторую боязнь, строгій человекъ оказывался добродушнѣйшимъ, услужливѣйшимъ изъ людей, какъ только замѣчалъ въ посѣтителѣ библиотеки или музея серьезный и живой интересъ къ какой бы то ни было отрасли знанія, которыя всѣ были дороги и милы этому «всевѣдущему», а такъ же, какъ и всѣ жаждавшіе просвѣщенія*).

Н. Федоровъ «уже одною своею жизнью вносилъ въ окружающую жизнь много добраго и поучительнаго»**). Про кого изъ философовъ можно сказать, что онъ обладалъ этимъ свойствомъ въ такой мѣрѣ? — особенно, если рѣчь идетъ о присяжныхъ академическихъ философахъ. Про кого изъ представителей новой философіи можно сказать, что его жизнь заключалась въ «самоотверженномъ служеніи ближнимъ всѣми силами и способностями»?***) Кто изъ профессиональныхъ учителей міросозерцанія отъ софистовъ и до нашихъ дней боялся денегъ, «чего то ядовитаго, заразнаго и мерзкаго»?****) — притомъ, не будучи ни уто-

*) Цит. у Остромирова, тамъ же.

***) Некрологъ Некрасовой «Русскія Вѣдомости» № 353 отъ 24 декабря 1903 года.

****) Статя П. Я. Покровскаго «Московскія Вѣдомости» №№ 23, 24, 25, 26 отъ 23-го = 26-го января 1904 г.

*****) Сообщение В. А. Кожевникова, цит. у А. Остромирова, стр. ХУ, см. «Н.

пистомъ, ни революціонеромъ, ни социалистомъ.

Непрерывный трудъ и питаніе однимъ чаемъ и баранками, почти постоянное бодрствованіе и спанье на голыхъ доскахъ, хожденіе безъ верхней одежды въ самые жестокіе московскіе морозы, работа лишь урывками и по ночамъ при свѣтѣ небольшою жестяною лампочки надъ своимъ безсмертными твореніями, которыя писались на разрозненныхъ клочкахъ бумаги, раздача своихъ жалкихъ трудовыхъ грошей (37 рублей въ мѣсяць) нуждающимся, пламенная религіозность, усердное посѣщеніе церкви для молитвеннаго дѣланія и постоянная устремленность духа ввысь — это ли не праведность, это ли не житіе?

Какъ это непохоже на житейское времяпрепровожденіе академическихъ философовъ!

Вторая добродѣтель Н. Федорова — непрерывный трудъ надъ наполненіемъ своихъ знаній. Подавляющая ученость возноситъ его на такую высоту, на которой эпитеты «профессора», «ученаго» просто ничего не значать. По единогласному свидѣтельству, онъ зналъ содержаніе всѣхъ книгъ Румянцевскаго Музея, котораго бібліотекаремъ онъ состоялъ. При всемъ томъ, знаніе содержанія этого книгохранилища было для него дѣломъ, такъ сказать, минимальнымъ; онъ постоянно пополнялъ свои знанія, руководствуясь лишь интересами науки и ученыхъ. Имъ руководила не честолюбивая претензія на энциклопедизмъ, но сердечная любовь ко всѣмъ сторонамъ знанія, ко всѣмъ его проблемамъ. Онъ достигъ того, что могъ дать любому специалисту любую детальнѣйшую справку по его предмету, съ относящейся сюда бібліографіей на всѣхъ важнѣйшихъ языкахъ. Это касалось въ

Ф. Федоровъ», «Философія Общаго Дѣла», т. I, вып. I. Харбинъ 1928.

такой же мѣрѣ знаній естественнонаучныхъ и прикладныхъ, какъ и философски-гуманитарныхъ. Тутъ есть, дѣйствительно, нѣчто чудесное.. И это чудо — Божій даръ знанія въ ютвѣтъ на духъ любви великаго праведника. Духъ любви привлекъ духъ знанія, и мы на конкретномъ примѣрѣ житія великаго русскаго мыслителя воочию убѣждаемся въ неразрывной связи, существующей между знаніемъ и любовью. Эта же связь является и основнымъ дѣйствующимъ мотивомъ философскихъ построений Н. Федорова.

Новое время и особенно наша эпоха, почти совершенно утратили истинный смыслъ и великую глубину, заключающіеся въ словѣ «философія» (— любовь къ мудрости —), съ превосходнымъ синонимомъ, возникшимъ изъ нѣдръ германскаго генія; этотъ синонимъ - философія — «наука о міросозерцаніи» — *Weltanschauungslehre*. Но, къ сожалѣнію, какъ разъ въ этомъ синонимѣ и наблюдается та ущербность, противъ которой всю жизнь боролся Федоровъ. Ущербность эта заключается въ одностороннемъ теоретизмѣ и въ отсутствіи установки на важнѣйшее и существеннѣйшее, что и дѣлаетъ философію «самымъ цѣннымъ» — по выраженію Плотина. Именно въ германскомъ пониманіи философіи, оказались совершенно устраненными изъ поля зрѣнія философовъ двѣ великія неразрывно связанные между собою истины: 1) подлинное знаніе, всегда соединено съ его дѣйственнымъ осуществленіемъ, съ благой цѣлью: *φιλοσοφούμεν μεθ' ευτελείας* — (мы философствуемъ съ благою цѣлью), говоритъ Фукидидъ, вкладывая изреченіе въ уста Перикла; ибо подлинная мудрость, такъ или иначе не выраженная въ личности и въ дѣлахъ ея носителя — не есть полнота мудрости; 2) чтобы созерцать міръ въ его послѣдней сущности и глубинѣ, надо его имѣть въ себѣ, надо его принять

въ себя, — а это доступно лишь любви; любовь же не можетъ оставаться безучастной зрительницей страданія, вражды, раздѣленія и смерти — въ противномъ случаѣ она не любовь. Знаніе, любовь, дѣятельность — взаимно обусловлены.

Надъ этими двумя основными истинами царить ихъ источникъ: верховная истина о вѣчной жизни и вѣчномъ блаженствѣ — «Кто нашель Меня, тотъ нашель жизнь» — говоритъ Сама Премудрость (Притчи 8, 35). То, что не есть вѣчная жизнь и вѣчное блаженство, или то, что не ведетъ къ нимъ, естественно, не можетъ быть названо мудростью, а любовь къ нему, естественна, не можетъ быть названа философіей — да и врядъ ли это любовь. Скорѣе здѣсь можетъ идти рѣчь о лжемудрованіи, лже-философіи и о суетномъ искажающемъ знаніи, лжезнаніи, клеветушемъ на бытіе и искажающемъ его по своему собственному неподобию Таковъ, на примѣрѣ, матеріализмъ, эвдемоническая философія, позитивизмъ, механическій каузализмъ и т. п. Отсюда и суровый приговоръ Федорова надъ лже-философіей и суетнымъ знаніемъ: «Если предметъ науки заключается въ разрѣшеніи вопроса о причинахъ вообще, то это значитъ, что наука занята вопросомъ: **«Почему сущее существуетъ?»** — такъ какъ оба эти вопроса, очевидно, однозначущи. Вопросъ же, почему сущее существуетъ, — вопросъ, очевидно, неестественный, совершенно искусственный. Но какъ неестественно спрашивать — **почему сущее существуетъ?** такъ вполне естественно спросить, — **почему живущее умираетъ?***)

Эта простая и гениальная мысль Н. Федорова мож. б. формулирована такъ: бытіе есть очевидность и лишь смерть оказывается страшной проблемой. Но разрѣшеніе

*) «Философія Общаго Дѣла» т. I. вып. I. Харбинь, 1928, стр. 13.

этой проблемы есть одновременно и преодоленіе смерти, разрушеніе ея державы — что и есть основа христіанскаго благовѣстія. Отсюда идея воскрешенія, какъ господствующій тонъ «доминанта» всего философскаго творчества Н. Федорова. Поэтому у Федорова какъ бы стоитъ знакъ равенства между философіей и воскрешеніемъ, такъ какъ для него воскрешеніе есть предѣлъ философіи.

Между тѣмъ трагедія смерти есть основной фактъ исторіи. Отсюда то, что у Федорова философія исторіи стоитъ на первомъ планѣ — въ чемъ онъ является національнымъ русскимъ философомъ. Огромная разница между обычнымъ пониманіемъ философіи исторіи и федоровскимъ состоитъ въ томъ, что для «Московскаго Сократа» объектъ исторіи, т. е. прошлое, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и объектъ воскрешенія, возстановленія истребленнаго, умершаго, убитаго.

«Исторія какъ фактъ есть взаимное истребленіе, истребленіе другъ друга и самихъ себя, ограбленіе или расхищеніе черезъ эксплуатацію и утилизацію всей внѣшней природы (т. е. земли), есть собственно вырожденіе и умираніе (т. е. культура*); исторія какъ фактъ есть всегда взаимное истребленіе, будетъ ли оно открытымъ, какъ во времена варварства, или же скрытымъ, какъ при цивилизаціи, причемъ жестокость дѣлается только утонченною, а вмѣстѣ и болѣе злою»**).

Такова исторія какъ фактъ. Чѣмъ же она должна быть, каковой должны быть исторія, разсматриваемая подъ угломъ зрѣнія категоріи должнаго? Федоровъ даетъ на это неотразимый по силѣ и убѣдительности отвѣтъ: «Исторія есть всегда **воскрешеніе**, а не **судъ**, такъ какъ предметъ исто-

*) Очевидно здѣсь терминъ «культура» взять, какъ синонимъ «цивилизаціи».

***) «Философія Общаго Дѣла», т. I. вып. 3. Харбинъ 1930, стр. 8-9.

ри **неживущіе, а умершіе**, и чтобы судить, нужно прежде воскресить, — хотя бы и не въ прямомъ смыслѣ. — нужно воскресить ихъ, умершихъ, т. е. понесшихъ уже высшую степень наказанія, смертную казнь»**).

Врядъ-ли міръ видѣлъ болѣе потрясающее и ослѣпительное соединеніе философіи исторіи, суровой этики долга и безконечное сострадательной агапики — христіанской любви. Подъ этимъ угломъ зрѣнія исторія превращается въ дѣйственный долгъ сыновъ по отношенію къ умершимъ отцамъ. У сыновъ остаются двѣ возможности въ выборѣ: или забыть своихъ отцовъ, или же помнить ихъ. Забвеніе отцовъ, куда относится и самая омерзительная форма этого — памфлетно - каррикатурное, клеветническое воспроизведеніе исторіи, — есть дѣяніе хамово — одновременно безпамятство и нелюбовь. Забвеніе отцовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ вражда сыновъ между собою и безуміе — безпамятство. По сильнѣйшему выраженію Н. Федорова «если воспоминанія не будутъ муками совѣсти, то умершіе явятся въ видѣ міазмовъ»*).

Мы живемъ въ эпоху, когда хамово дѣяніе забвенія отцовъ сынами достигло въ практикѣ капитализма и марксизма высочайшей степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ достигло своего предѣла памфлетно - каррикатурное отношеніе къ исторіи и даже сами музеи, высокий смыслъ которыхъ — вѣчная память, стали у марксистовъ какъ бы продолжающейся смертной казнью, пыткой

***) Цит. соч. стр. 5.

*) «Философія Общаго Дѣла», т. I, вып. 3, стр. 7. Въ этомъ краткомъ, но необычайно сильномъ утвержденіи содержится угроза несказаннаго ужаса, для которага трудно подобрать краски. Ибо здѣсь и символика упыря и дьявольски искаженная идея вѣчной памяти и полное извращеніе родственныхъ связей и отношеній.

отошедшихъ и издѣвательствомъ надъ прахомъ отцовъ. Поистинѣ, можно крикнуть этому поколѣнію слова римскаго сената, обращенныя въ свое время къ Катилинѣ: *Hostis! Parricida!* (врагъ, отцеубійца).

Но, можетъ быть, и другое, совершенно противоположное этому отношеніе сыновъ къ умершимъ отцамъ. Его и проповѣдуетъ Н. Федоровъ, о немъ говоритъ Пушкинъ въ безсмертныхъ словахъ старца Пимена:

Своихъ царей великихъ поминають.

За ихъ труды, за славу, за добро,

А за грѣхи, за темныя дѣянья

Спасителя смиренно умоляютъ.

Православная церковь заключаетъ свой великій и глубокосмысленный чинъ поминовенія усопшихъ соборной молитвой о томъ, чтобы Господь сотворилъ отошедшимъ вѣчную память. Великое слово съ бездонно глубокимъ смысломъ — ибо укорененность отошедшихъ въ памяти Божіей есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ вѣчная блаженная жизнь — это великолѣпно показано о. П. Флоренскимъ въ его «Столпѣ и утвержденіи истины». Но не надо забывать, что со времени явленія Христа, Божіе дѣло неразрывно связано съ человѣческимъ. И вѣчной памяти Божіей должно соответствовать воскресеніе образовъ отошедшихъ въ памяти человѣческой.

Отсюда рождается великая идея храма-музея и внѣхрамовой литургіи, т. е. литургіи, переставшей быть только внутрихрамовымъ символическимъ дѣйствіемъ, но распространяющимся изъ храма, какъ изъ переполненной чаши, на все человѣчество, соединяемое братской любовью вокругъ могилъ отцовъ. Такъ какъ Богъ есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ и вокругъ Агнца на престолѣ собраны и живые, и отошедшіе, то въ предѣлѣ литургіи и должна стать общимъ воскресеніемъ и воскрешеніемъ. Въ этомъ должна сказаться объективность Церкви, ибо между Церковью и литургіей можетъ и дол-

женъ быть поставленъ знакъ равенства, т. к. и литургія и Церковь есть «общее дѣло».

Устами тайновидца апостола Іоанна Богослова днемъ и ночью возносится къ небу молитвенный вопль и страстный призывъ:

«Ей гряди, Господи Іисусе».

Но вѣра безъ дѣлъ мертва, и сила этого молитвеннаго вопля, этого страднаго призыва въ своемъ нарастаніи не можетъ не стать святой активностью съ объединеніемъ всѣхъ духовныхъ силъ навстрѣчу грядущему во славу Богочеловѣку. Пассивное ожиданіе Второго Пришествія есть одно изъ величайшихъ заблужденій, отталкивающихъ второе пришествіе и превращающихъ исторію въ дурную безконечность безсмыслицъ пошлостей и взаимноистребленій. «Съ объединеніемъ же знанія и дѣйствія созерцаніе обратится въ представленіе того, что должно быть, т. е. въ проектъ, въ дѣйствіе, бывшее при безсознательности взаимнымъ истребленіемъ, станетъ всеобщимъ воскрешеніемъ» такъ вѣщаетъ Федоровъ.

Все, что можно было сдѣлать силами одного человѣка, чтобы явить ликъ истинной философіи — Федоровъ сдѣлалъ. Во второй разъ человѣчество увидѣло Сократа*) т. е. человѣка, за которымъ уже кончаются возможности тварная и начинается боготварность.

Однако, явленіе Сократа послѣ Христа должно быть совершенно особеннымъ. И «Московскій Сократъ» образъ совершенно новый, ибо таинственнымъ голосомъ, звучащимъ въ душѣ Сократа христіанина, было слово Логоса. «Даймономъ» Федорова было ученіе Богочеловѣка.

*) «Московскимъ Сократомъ» назвалъ Федорова проф. С. Н. (нынѣ протоіерей) Булгаковъ («Два Града», т. II. М. 1911, интересная статья «Загадочный Мыслитель»).

Итакъ, борьба съ безплоднымъ теоретизмомъ въ наукѣ и въ философіи, борьба съ риторическимъ и пассивнымъ пониманіемъ истинъ христіанства, — вотъ поле битвы, доставшееся въ удѣлъ на жизненномъ пути Федорову. Пламенное стремленіе къ реализаціи дѣлаетъ Федорова литургистомъ въ предѣльно глубокомъ смыслѣ этого слова. Быть можетъ, ему удалось такъ углубиться въ реалистическую символику христіанства, въ его реальный «проективизмъ», что онъ, стоя на твердомъ основаніи традиціонной православной литургики, являетъ міру скрытыя въ ней и до сихъ поръ не вмѣщаемыя возможности и сокровища.

Федоровъ вскрываетъ въ православной литургикѣ ея глубокий дѣйственный смыслъ и воспитательное значеніе. Сокровища православной археологіи и литургики перестали быть у Федорова мертвымъ обрядовѣріемъ, въ цѣпи котораго они были закованы, подвергаясь за это грозному осужденію Слова Божія (Исаія 1, 13-16). Федоровъ расковываетъ литургику, закованную въ цѣпи литургизма, коснаго и мертваго формалистически - законническаго обрядовѣрія. Для него церковный календарь — подлежащая осуществленію школьная программа училища*), казовымъ ему и надлежитъ быть, ибо престоль Божій въ храмѣ не только жертвенникъ и судилище, но и училище — объ этомъ говорятъ такіе литургисты, какъ Симеонъ Солунскій, архіеп. Веніаминъ Нижегородскій и др. Но такъ какъ литургія есть священное общее дѣло (литургія *leitourgia* отъ *leitōs* *εργον* и значитъ — общее дѣло), то съ другой стороны ученіе Федорова связано съ богословско-философскимъ ученіемъ о единствѣ. Отсюда и центральная богословско - литур-

гическая и морально - философская идея Федорова о значеніи основного догмата христіанства, — догмата о Пресвятой Троицѣ. Для него это ученіе есть откровеніе о совершеннѣйшемъ соборѣ и потому связано съ идеей воскрешенія и вѣчной жизни. Онъ говоритъ: «Божественное Существо, Которое Само въ Себѣ показало совершеннѣйшій образецъ общества, Существо, Которое есть единство самостоятельныхъ безсмертныхъ Личностей, въ своей полнотѣ сознающихъ и чувствующихъ неразрываемое смертью, исключющее смерть единство — такова христіанская идея о Богѣ, т. е. это значить, что въ Божественномъ Существоѣ открывается то самое, что нужно человѣческому роду, чтобы онъ сталъ безсмертнымъ. Троица это Церковь безсмертныхъ и подобіемъ Ей со стороны человѣка можетъ быть лишь церковь воскресшихъ. Въ Троицѣ нѣтъ причины смерти и заключаются всѣ условія безсмертія*).

Такимъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтаетъ у Н. Федорова идея Церкви = Троицы, представляющая несомнѣнно святоотеческую традицію, восходящую къ св. Иларію Пиктавійскому, а, можетъ быть, и еще далѣе. Основной смыслъ богословскихъ утверждений Федорова это то, что атрибуты пресв. Троицы «Единосушная» и «Животворящая» восходятъ къ одному смыслу и означаютъ въ сущности одно и то же. Литургически эта центральная мысль Федорова находитъ свое полное подтвержденіе, между прочимъ, въ томъ огромномъ символическомъ значеніи трисвѣщника, которое онъ имѣетъ во время службъ Пасхальной недѣли и особенно въ Пасхальную ночь**). Этотъ трисвѣщникъ,

*) «Философія Общаго Дѣла» ред. В. А. Кожевникова, т. I. стр. 68.

**) Чрезвычайно характерными для федоровскаго литургико - технического проективизма являются «Величаніе и Похвалы

*) См. выдержки изъ 3-го тома «Философіи Общаго Дѣла» (Журналъ «Путь» № 10, апрѣль 1928, стр. 21-27).

который не надо смѣшивать съ архіерейскимъ трикиріемъ, возжигается только въ пасхальную недѣлю и совершенно ясно указываетъ на то, что воскресеніе изъ мертвыхъ есть дѣло и слава всей Пресвятой Троицы, явленной въ тайнѣ Богочеловѣчества.

Такъ какъ отпаденіе отъ единства есть вмѣстѣ съ тѣмъ отпаденіе отъ реальности — тлѣніе, разрушеніе и смерть, — то ученіе Федорова, естественно, вѣнчается ученіемъ о борьбѣ съ нереальностью, фантомами, разъединеніемъ и тлѣніемъ, т. е. со смертью — ибо смерть — царство разъединенныхъ тѣней. Реально — дѣйствительно — любовный и литургическій характеръ міросозерцанія Федорова естественно и съ особаго рода внутренней закономерностью увѣнчивается ученіемъ объ активномъ воскрешеніи мертвыхъ. Это и есть какъ бы предѣлъ ученія, его идеальное завершеніе и сіяющій нимбъ. Любовь къ мертвымъ есть любовь къ отцамъ, къ праотцамъ, къ предкамъ. Литургика — отцовское преданіе; и когда мы съ любовью произносимъ выраженіе «Отцы Церкви», то этимъ

словомъ мы называемъ тѣхъ, кто насъ породилъ духовно. Отсюда культъ отцовъ, вскрытіе христіанской мистеріи въ томъ религіозномъ опытѣ, который представляетъ достояніе всѣхъ народовъ, и на которомъ всѣ народы могутъ объединиться. Н. Федоровъ призываетъ совершить крестный ходъ на могилы отцовъ для воззванія ихъ изъ мертвыхъ. Отсюда православное возглавленіе всего земного бытія Пасхой, отсюда таинственная связь съ личностью и ученіемъ преп. Серафима Саровскаго. Величайшій святой земли русской училъ о животворящемъ Духѣ Божіемъ въ знаменіи Фаворскаго Свѣта. Онъ училъ о томъ, что, если бы челоѣкъ послѣ крещенія не грѣшилъ, то его плоть была бы подобна плоти Господа Иисуса Христа. Но Фаворъ есть знаменіе Воскресенія и его лучи прежде страданія. Этимъ и объясняется, почему великій пророкъ Духа Святаго и Фаворскаго Свѣта былъ и пророкомъ Воскресенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Н. Ильинъ

Храмъ Христа Спасителя

Храмъ Христа Спасителя — обѣтныи храмъ благодарной памяти Русскаго народа и Царя, видѣвшихъ въ освобожденіи отъ «нашествія галловъ (французовъ) и съ ними двадцати (20) языковъ (народовъ)», явленіе прежде всего милости и силы Божіей. Не даромъ на медали, выбитой въ память событій 1812 года было вычеканено Всевидящее Око со смиреннымъ признаніемъ: «не намъ, не намъ (слава), а имени Твоему».

25 декабря 1812 г. наканунѣ перехода

Пасхѣ», содержащаяся въ письмахъ Федорова къ В. А. Кожевникову, см. газета Евразія, субб. 4 мая 1928 г.

русскими войсками русской границы, императоръ Александръ I Благословенный обнародовалъ манифестъ о построеніи храма - памятника, который будетъ выраженіемъ благоговѣйной благодарности Богу Промыслителю и увѣковѣчитъ въ памяти народной событія тяжелой, но вмѣстѣ и славной години.

Изъ представленныхъ проектовъ Государь выбралъ проектъ молодого, совсѣмъ еще неизвѣстнаго художника А. Л. Витберга. Ему же онъ поручилъ и общее руководство работами.

Проектъ былъ проникнутъ религіознымъ воодушевленіемъ и выражалъ общенародную мысль, что своимъ спасеніемъ